

Михаил Николаевич писал для военных лет на удивление часто, хотя порой чувствуется поспешность в этих кратких сообщениях, написанных карандашом... Во всех этих письмах, за каждой строчкой – столько любви и нежности, заботы и беспокойства:

«Все время думаю о тебе, моя Катюрочка, о наших малышах, как вы справляетесь, дошли ли до тебя сапожки, они не хромовые, да и кирзовые практичнее сейчас, пришлось их делать на заказ, такого размера, как у тебя, сапог нет нигде (у Екатерины Александровны был 33 размер ноги), едва нашел сапожника, чтобы сделал по ноге. Выслал вам сберкнижку, чтобы вы могли получать мое довольствие, там немного, но все же вам будет полегче. ...А у Вадюшки волосики действительно совсем беленькие, что ты прислала в письме. Смотрю на них, как будто вы рядом со мной...

В Кингисепе пока спокойно, правда, неделю тому назад город получил свою порцию бомб. Пока ничего страшного. Надеемся, и в этом мы все поручкой, что в Кингисепе врагу не бывать. Дома я почти не живу, а ночую или в штабе, или в машине вместе с Володией Куттапенном. При первой бомбардировке у дома нашего оказалось много разбитых стекол, сейчас в нем никто не ночует. ...Пожалуй, такое мое письмо вызовет, Катя, у вас лишние тревожения, поэтому я не хотел бы, чтобы ты или наши рассказывали об этом тем, у кого плохо «привинчен» язычок. Кингисеп 25. 07.41.»

Было только один период в несколько месяцев, когда от Михаила Николаевича совсем не приходило писем. Ни строчки. На все запросы Екатерины Ивановны в разные, в том числе военные ведомства, приходил один ответ:

«О местонахождении вашего мужа сведений не имеем». Наконец пришел обнадеживающий ответ: «Сообщаем вам, что ваш муж жив и здоров, но связаться сейчас с вами лично не имеет возможности». В это время М.Н. Николаевских выводил из окружения из Кингисепского района партизанский отряд. Первое письмо после долгого перерыва пришло уже из Ленинграда.

«Ленинград. 6 февраля 1942 г. Моя дорогая Катюрочка. По-прежнему нахожусь в Ленинграде. В Ленинграде я нахожусь с 27.01. – пока отдыхаем. Вместе со мной из наших кингисепских только двое. Все мы вместе и переходили линию фронта из тыла врага, вместе переносили все походы. Новый 1942 год начался для нас удачей, как раз под Новый год вышли мы к своим, благополучно перейдя фронт. Что пришлось испытать и пережить за время войны, трудно описать в письме, – это целая серия рассказов из цикла «Мир приключений», об этом мы уж будем вспоминать при первой встрече, которая, надеюсь, вскоре осуществится, ибо ведаю и чувствую: близок час разгрома врага.

Хочу вам сообщить еще одну печальную весть: 2-го февраля в 5 часов утра умер Миша Михайлович. Последний раз я его видел живым 31-го января, и он выглядел очень плохо. Как больно за эту смерть, вы себе представить не можете, какой прекрасный и задушевный это был человек!

У дяди Коли Добрякова я бываю через день и помогаю им чем и как могу (это хорошие знакомые в Ленинграде М.Н. Николаевских, на чей адрес он получал корреспонденцию. – Т.Т.). Последний мой приход к ним был 4.02. Здоровье его стало заметно улучшаться, но он еще очень слаб, необходимо питание, с которым у них дело обстоит очень плохо.

Как дальше сложатся мои обстоятельства, пока не знаю, жду назначения, пока ничего не могу написать. На этом закончу. Дорогая моя Катериночка, мои дорогие, целую всех вас несметное число раз, и особенно моих маленьких ребятшек, моего маленького Лепетунчика (младшего, Вадима. – Т.Т.), как бы хотелось услышать его лепет! Как ведет себя Лерочка, слушается ли бабушек и дедушку? Скоро кончится война, и мы все вместе отдохнем и отметим это где-нибудь на лоне природы, которую ты так любишь. Правда, и после войны будет много работы, но для встреч и для бесед мы найдем время. Целую вас всех крепко-крепко. Ваш Миша.»

Валерия Михайловна не хотела отдавать письма отца в печать, мотивируя это тем, что «нет в них ничего особенного и героического. Обычные письма, в которых подробности и детали, важные только для семьи.» Все-таки мне удалось переубедить её, что письма военной поры – это еще и свидетельство той героической эпохи, в которой, слава Богу, было место и любви, и нежности, и заботе о своих близких. Да и нашла их Валерия Михайловна не так давно. Стопку писем военной поры вдова Михаила Николаевича, Екатерина Александровна, пере-

О Любви с большой буквы эти письма, которые доверила мне накануне 65-летия Победы Валерия Михайловна Николаевских. Её отец Михаил Николаевич Николаевских возглавлял Всеволожский исполком райсовета с 1942 по 1946 год, а его семья – Екатерина Ивановна и двое малых детей – ждали его писем в городке Череповец Вологодской области. В Череповце жили родители молодого агронома Михаила Николаевских, который незадолго до войны возглавил Кингисепскую МТС и успел в последнем поезде на Восток отправить семью в тыл. Вадиму был год, а Лерочке пять лет, и она уже писала карандашом печатными буквами папе о житье-бытье.

«Всё время думал о тебе, моя Катюрочка...»

читывала до самой смерти, а прожила она до 93-х лет. Спрятала, как говорится, подальше, и Лера после смерти матери искала их несколько лет. Нашла случайно, как будто специально перед очередной годовщиной Победы. Многие письма в водяных разводах от капающих слез. А я, спустя почти 70 лет, пытаюсь представить, как встречал этот, 1942 год еще совсем молодой человек, на долю которого выпало столько испытаний и столько ответственности:

«Всеволожская. 31.12.42. Мои милые, мои дорогие, мои родные! Сегодня так хочется быть вместе с вами, хочется всех вас крепко обнять и расцеловать, а особенно моих славных ребятюк Лерочку и Вадима. Пусть этот, наступающий 1943-й год для всех нас будет счастливым и хорошим годом. Пусть принесет всем нам он выполнение наших скромных желаний. Пусть принесет этот год стране нашей – Родине нашей, окончательную победу над ненавистным и лютым врагом.

Сейчас вот пишу письмо и думаю, что опять приходится встречать Новый год одному, не в родной семейной обстановке. Через несколько часов придет машина и поеду в одну часть, куда пригласили на торжественное заседание и товарищеский скромный новогодний ужин. Но все мои мысли, мои родные, в эту новогоднюю ночь – с вами.

Катюрочка, родная, как получишь письмо, ответь сразу же хотя бы телеграммой. Меня очень беспокоит твое молчание. Сам пока приехать хотя бы на день-два никак не могу. Дела и обстановка в работе не позволяют этого сделать пока. Казалось, что после окончания сельхозработ будет полегче, но вышло совсем не так, все время в напряженной работе. Почти нет ни минуты свободного времени. Приходится много работать ночами, порой чувствуется усталость. К тому же хочется сделать все лучше, охватить побольше, сделать поскорее. Преодолеть трудности, которые приходится встречать на каждом шагу. Голова все время забита, на сердце забота, беспокойство и напряженность. Но ничего, родные мои, все будет хорошо.

Во Всеволожской пока все по-старому. Погода стоит теплая, дождливая, сырая и мозжащая – снего мало. Успехи наших войск на юге вливают новую струю бодрости и уверенности в скорой победе над врагом.» Замечу, что практически на всех письмах, за исключением тех, что отправлены, как говорится, «с оказией», стоит четкий штамп: «Просмотрено военной цензурой». Вот на этом письме от 11 июля 1942 пометки цензуры нет. «Дорогая моя Катюрочка! Сегодня выдался более или менее спокойный день. Сегодня воскресенье, но даже в 10 часов в Исполкоме никто не потревожил, хотя обычно с самой рани уже звонки либо назойливые посетители, от которых никуда не скроешься. Решил отложить все бумаги, а их вороха, и сесть за письма, ответить всем знакомым и землякам, и написать, конечно, в первую очередь, тебе, Катенька.

... Посевную закончили, и вроде бы неплохо, хотя в ходе ее нас часто и крепко ругали, от чего приходилось много переживать и нервничать, но все же обком дал в результате нашей работы неплохую оценку, и это вливает новый поток бодрости. Ведь, Катюша, когда ругают, знаешь, с каким подавленным настроением ходишь, все чувствуешь какую-то вину. 30-го июня проводили собрание актива, и выступивший секретарь обкома Т. Никитин сказал, что поработали хорошо, и что обком в целом работой нашей удовлетворен.

Сейчас в последнее время стоит сухая погода, пришлось крепко организовывать полив и

производить посадки – в эти дни объехал все колхозы и совхозы, посмотрел посевы сам и убедился, что они пока выглядят неплохо. Походил по полям, – и это улучшило мое самочувствие, стал лучше спать, а то одно время сбился со сна, видимо, от нервов и от табаку. Сейчас чувствую себя лучше, только очень соскучился по вам, когда за работой, в горячем потоке дел этого как-то не замечаешь, а вот когда выдастся такая минута, так грустно и обидно, что не могу вас увидеть. Вот было бы хорошо-то навестить вас, но пока не отпускают даже на день, а без разрешения я не решаюсь отлучиться. Вот отгоним врага подальше от Ленинграда, буду решать вопрос с вашим возвращением. Правда, жить во Всеволожской с семьей негде, я живу по сути на казарменном положении, одному много не надо, ночую зачастую здесь, в здании Исполкома на Всеволожском, 19. Жду-не дожусь вас всех обнять и прижать к груди. Ваш папа и муж Миша.»

Известно, что Всеволожский район в годы войны обеспечивал фронт и город овощами, топливом. Здесь находились военные госпитали для раненых бойцов, здесь проходила легендарная Дорога жизни.

Как ни странно, о ней Михаил Николаевич почти не пишет, и это понятно: Дорога была в военном ведомстве. Но забот у председателя Всеволожского Исполкома районного Совета хватало.

«Всеволожская. 16.7. 1943 г. Здравствуйте, мои милые и дорогие! Пользуясь случаем, опять посылаю вам посылочку. В отношении жиров у нас тут довольно туго, но что смог собрать, в особенности для детей – посылаю.

Пользуясь случаем, что это письмо пойдет без цензуры, хочу написать как тут у нас обстановка. На Всеволожской

самой довольно спокойно. Самолеты фашистские хоть и летают, но в небольших количествах. За последнее время, за неделю сбросил 5 бомб и разрушил 2 дома в одном колхозе, в другом колхозе сбросил семь бомб и разбил теплицу и конюшню, погибло семь лошадей, человеческих жертв, к счастью, не было. На линии фронта слышна постоянная канонада, но к ней уже все привыкли и не замечают. На фронте дела без особых перемен, как и сразу после прорыва блокады и особой активности нет. Видимо, готовятся к решительному наступлению, но ничего точно пока сказать нельзя. 15 июля радио принесло замечательную весть, что несмотря на большое наступление немцев на Орловско-Курском направлении, наши прорвали фронт и ведут успешное наступление. Это говорит о возросших наших силах, что приближает день победы и расплаты с врагом.

У нас очень много работы, так как ряд работников ушли в армию, а работники-то остальные малоопытные и малолетние. Сейчас идет прополочная кампания, с народом туговато, все время приходится мобилизовывать людей из учреждений и организаций. Поэтому все время в напряжении, иногда целыми ночами приходится просиживать самому над подготовкой различных материалов, а также придумывать выходы из различных положений. Топливо, ремонт жил. фонда, техника. Днем работать почти нельзя, в кабинете целые толпы народа по разным вопросам, которые надо срочно решать. В общем, Катюшенька, как белка в колесе кручусь. Иногда вечером уже просто немоготу, и тогда специально ухожу на огород, где физическая работа отвлекает от всего.»

М.Н. Николаевских был настоящим агрономом, влюбленным в землю. Романтик и экспериментатор, он первым посадил в 1947 году (!) во Всеволожской виноград и алычу, груши и яблоны, каштан и голубые ели. Голубые ели растут до сих пор около дома, который он построил для своей семьи.

Последнее письмо из Всеволожской, датированное 7 июля 1944 года, сообщает Екатерине Александровне, что разрешение на въезд семьи получено, и он с нетерпением ждет их. Яблони, посаженные им в мае 1947 года, как ни странно, живы до сих пор, аккуратно цветут каждой весной и исправно приносят плоды. А Михаила Николаевича нет уже 59 лет. Он умер внезапно и скоропостижно, просто отказало сердце. Видимо, сказалось нечеловеческое напряжение и непосильная работа в военные годы. Ему шел только 42-ой год. К тому времени он уже работал в областном Исполкоме, но именно под его руководством Всеволожский район ударно трудился все самые тяжелые военные годы, и слова «Все для фронта, все для победы» были и для самого Николаевских не лозунгом, а образом жизни. Екатерина Александровна прожила очень долгую жизнь, никогда больше не выходила замуж, вырастила двоих детей. До 83-х лет работала в финансовом комитете Всеволожского исполкома. Вадим Николаевских умер прошлым летом, не дожив до 70-ти, а дочь первого председателя Всеволожского исполкома Райсовета, та самая «маленькая Лерочка», писавшая папе письма печатными буквами, живет в том же доме, построенном отцом, ждет мая, когда вновь расцветут яблони, посаженные отцом. А еще мне кажется, что мы пока не до конца оценили трудовой военный подвиг этого человека, не воздали ему должного. Пора бы это сделать.

Татьяна ТРУБАЧЁВА

НА СНИМКЕ:

М. Н. Николаевских, председатель Всеволожского исполкома райсовета. 1943 г.

Е. А. Николаевских и маленькая Лера.

У здания Всеволожского исполкома. 1942 г. М. Н. Николаевских на переднем плане.

